

кабристами и Пушкиным и многими писателями и поэтами XIX и XX века.

На Волге сложился и другой жанр народной лирики—песни бурлацких трудовых артелей. Подобно удалым, бурлацкие песни вылились в особые, им одним присущие формы. Идейные и стилиевые традиции этих трудовых песен были продолжены и развиты поэтами XIX века.

В песенной лирике русского народа постоянно встречаются лирически настроенные волжские пейзажи, придающие поэтическим произведениям неповторимый национальный колорит. При большом разнообразии тематики волжские песни объединяются общностью поэтического стиля и постоянным в них образом великой реки. Картины волжской природы чаще всего являются эмоционально настроенными зачинами песен, которые проникают во все виды народной лирики, в том числе и в женские песни. Они составляют прелюдии к драматическому песенному повествованию и тяжести общественного и семейного гнета. Родной реке народ доверял свое горе и радости, и всегда, даже в женских и девичьих песнях, образ Волги воплощал в себе представление о воле, свободе.

Тема волжской удалой песни прошла заметной полосой через всю литературу XIX и XX века. Песенные образы этой темы были выражением народной свободы, политических требований прогрессивных писателей. В таком содержании вошла эта тема в произведения декабристов («Ермак» Рылеева, ставший народной песней), в песни Языкова. В таком содержании вошли мотивы волжских песен в произведения Пушкина. Белинский и Герцен глубоко раскрыли идейный смысл удалых песен, увидев в них выражение социального протеста. До подлинной революционности поднял волжскую песенную тему Некрасов, стремясь своими произведениями разбудить стихийное сознание народных масс. Отрывок «Размышления у парадного подъезда» стал народной песней.

Эпоха капитализма не смогла обогатить волжскую песенную тему. Романтически осмысленный образ Разина рисовался в литературных песнях Навроцкого, Садовника, Сурикова. В лубочной же литературе 90-х годов разинская тема снизилась до мещанского романа типа ожеговского «Меж крутых бережков».

В противовес этой песенной струе пролетарские поэты использовали традиции волжских бурлацких песен для создания революционных «Дубинушек».

В советское время тема Волги вошла в песни о великих стройках, о новой Волге, преобразуемой в море и каналы. Однако нового жанра волжской песни еще не получилось. И завет одного из лучших советских поэтов-песенников В. И. Лебедева-Кумача еще ждет своего выполнения.

К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА О РОМАНТИЗМЕ ПУШКИНА*

А. П. СКАФТЫМОВ

В диссертационной работе Г. К. Бондаренко рассматривается вопрос о значении южных поэм Пушкина в становлении его реализма. Ввиду того, что южные поэмы Пушкина так или иначе связаны с романтизмом направлением в литературе, Г. К. Бондаренко много уделяет внимания вопросам, относящимся ко всему романтизму в целом. Заметно, что автор воодушевлялся мыслью убедительно представить некоторый новый взгляд на романтизм, в противовес тем мнениям, которые в настоящее время являются наиболее принятыми. Диссертант справедливо отмечает

* Из отзыва о диссертации Г. К. Бондаренко «Южные поэмы А. С. Пушкина как этап в становлении его реализма».

в вопросе о романтизме наличие многих неясностей и явно ошибочных, недостаточно продуманных положений, ставших самыми ходовыми и принимаемыми без всякой критики.

Сложность вопроса о романтизме состоит в том, что в нем, как и во всяком ином большом историческом идейном течении, содержалось много противоречивых тенденций. Романтизм как определенное историческое явление складывался и проявлялся в разных странах и тем более у разных авторов далеко не одинаково. В советское время в вопросе об оценке романтизма наиболее ярко выступили его внутренние различия в отношении прогрессивности и реакционности. Замечали, что в романтизме содержалось и то и другое. И тогда возникла теория о двух романтизмах — прогрессивном и реакционном. Эта точка зрения о двух романтизмах наиболее пространно была высказана в книге Б. С. Мейлаха «Пушкин и русский романтизм» (1935.).

Г. К. Бондаренко более всего возражает против этой теории. В специальной главе «Проблема реализма и романтизма Пушкина первой половины 20-х годов в освещении советских пушкиноведов» Г. К. Бондаренко доказывает, что эта теория, пытавшаяся опереться на ленинские высказывания, в действительности никакими высказываниями Ленина не подтверждается. «Во всех многочисленных высказываниях Ленина о литературе,—справедливо пишет Г. К. Бондаренко,—мы не найдем указаний на то, что он признавал два типа романтизма, ни на то, что различные типы мечты он связывал с различными типами романтизма». Одновременно Г. К. Бондаренко говорит о недостаточности тех определенных романтизма, какие даются в книге Б. Мейлаха. К сожалению, диссертант не указывает на основной внутренний недостаток теории о двух романтизмах, на ее механизм. Представление о двух взаимно независимых романтизмах—прогрессивном и реакционном—не учитывает внутренних связей разных качеств и сторон романтизма (противоречивость единого). Вместо того чтобы исследовать противоречия в едином, эта теория механически обособляет эти противоречия, представляя их лишь во внешней противоположности, одно делит на два.

Г. К. Бондаренко считает романтизм явлением только отрицательным, только реакционным. Он утверждает, что все ценное лишь по недоразумению присваивалось романтизму его современниками и последующими досоветскими и советскими исследователями. Все, что было прогрессивного и исторически сколько-нибудь плодотворного в литературе того времени, Г. К. Бондаренко считает принадлежащим или классицизму или реализму, который тогда формировался, восходя непосредственно к лучшим традициям классицизма. Романтизм, по мнению Г. К. Бондаренко, никакой положительной роли в становлении реализма не имел и не мог иметь, так как романтизм был только реакцией господствующих классов на французскую революцию и способен был только на уход в прошлое. «Отрешенность от реальной действительности—это то главное, что и определяют социальную природу романтизма. Романтизм характеризуется мечтой, устремленной в невозвратно минувшее прошлое». Сообразно такому пониманию тов. Бондаренко по ходу изложения расценивает литературные репутации многих упоминаемых им писателей: романтик, стало быть, реакционен, а если прогрессивен, то, следовательно,—реалист. Вместо противоречий в едином в работе т. Бондаренко выступают разъединенные, механически обособленные противоположности не только у разных писателей и в разных произведениях, но даже и в одном произведении.

Главная ошибка Г. К. Бондаренко в освещении вопроса о романтизме состоит в недостаточности учета исторической перспективы. Диссертант судит о романтизме с точки зрения последующего времени, когда

романтизм был уже пережитым и превзойденным этапом. Г. К. Бондаренко упускает из виду необходимое и неперенное условие правильности всяких исторических оценок, на которое неоднократно указывал Ленин: «Исторические заслуги судятся не по тому, чего *не дали* исторические деятели сравнительно с современными требованиями, а по тому, что они *дали нового* сравнительно с своими предшественниками». (Соч., изд. 4, т. 2, стр. 166).

В собственной оценке исторических явлений Ленин никогда механически не обособлял прогрессивные и реакционные элементы, присущие данному явлению, а трактовал их как общую принадлежность времени во всем единстве и взаимосвязях (например, реакционное и революционное в учении Толстого, революционное и реакционное в идеологии и деятельности народников). Не составляет исключения в этом отношении и статья «К характеристике экономического романтизма», на которую ссылается Г. К. Бондаренко.

Для того чтобы вынести приговор об исторической ценности романтизма, следовало бы его сравнивать не с тем, что явилось потом более полноценным, а с тем, что было до него и что он собой исторически вытеснял. Надо было вспомнить, что вносил романтизм нового в период его роста и становления, надо было относительно учесть его примеры и призывы сравнительно с тем, что тогда, в свою пору ими преодолевалось.

Прежде всего бросается в глаза явное неблагодарное отношение к отдельным именам известных писателей. Наряду с Жуковским (значение которого в истории русской литературы, кстати сказать, Г. К. Бондаренко явно недооценивает), в числе представителей романтизма у него встречаются имена Мицкевича, Шиллера, Байрона. Следовательно, сообразно своей теории, Г. К. Бондаренко зачисляет этих писателей в порочную категорию пустых мечтателей, «отрешенных от жизни», и потому не имевших никакого прогрессивного значения. Следовало бы вспомнить, как отзывались о Шиллере и Байроне наши демократы: Белинский, Герцен, Чернышевский. Их слова об исключительно важном общественно-воспитательном значении поэзии Шиллера и Байрона тем более надо было бы вспомнить, что такие оценки ими давались в ту пору, когда романтизм был уже преодолен. Следовательно, при историческом взгляде на вещи, в деятельности этих представителей романтизма они видели огромный положительный смысл.

Не желая видеть, чем романтизм был для своей поры, Г. К. Бондаренко принципиально отводит всякие одобрительные отзывы о романтизме со стороны его современников. Так, в частности, он поступает с Белинским. Диссертант считает, что в вопросе о романтизме суждения Белинского периода «Литературных мечтаний» (1834 г.) историкам литературы нельзя брать в расчет, так как Белинский в ту пору сам был «идеалистом» (романтиком—надо было бы сказать). Да, в эту пору Белинский был романтиком, и его высказывания этой поры для исторического освещения вопросов о романтизме имеют особую ценность, потому что они позволяют судить, какие идейные стремления содержались в романтизме Белинского. По логике Г. К. Бондаренко получается, что Белинский в период написания «Литературных мечтаний», как романтик, был, следовательно, одним из «отрешившихся от жизни» и пропагандировал уход от действительности.

Общие определения, какими характеризуется романтизм, Г. К. Бондаренко трактует тоже без всякой исторической перспективы.

В частности, романтизм в его работе связывается с индивидуализмом; индивидуализм при этом безотносительно объявляется всегда реакционным, уводящим от жизненной борьбы. Нельзя, однако, упускать из виду, что так называемый индивидуализм не во всяком идейном кон-

тексте реакционен. Романтический индивидуализм содержал в себе новое и свежее осознание прав и жизненных требований личности. Индивидуализм выражался в непримиримости протеста. Объявленная и героизированная Байроном гордость человека противопоставлялась феодальной обезличенности и узаконенной рабской субординации. Во имя достоинства и свободы личности поднимался бунт против религиозных понятий. С чувством гордости и непокорности соединялся протест и против феодального социального деспотизма. Без признания освобождающего значения осознанного чувства личности нельзя понять ни Байрона, ни Лермонтова, ни В. Гюго—никого из тех писателей, в произведениях которых неудовлетворенность и гордое поведение героя обозначали и выражали недовольство существующей действительностью.

В связи с этим и романтический лиризм имел тоже свою освобождающую сущность. Это был для того времени особый, новый лиризм. С романтизмом личность осознает себя во всей правомерности своих желаний и чувств и прав на жизнь. Среди потока всяких лирических излияний, конечно, было много хлама, но самый принцип, осуществляющий только что осознанную естественную законность внутреннего мира человека для своего времени имел много положительного. С этой точки зрения Белинский, исторически освещая ход развития литературы, как большое достижение, отмечал в романтической литературе открытие и завоевание мира чувств. С этой стороны он подчеркнул положительное значение повестей Карамзина и стихотворений Жуковского. «В повестях Карамзина,—писал он,—русская публика в первый раз увидела на русском языке имена *любви, дружбы, радости, разлуки* и пр. не как пустые, отвлеченные понятия, но как слова, находящие себе отзыв в душе читателя». В том же смысле давались оценки и тому, что Белинский находил положительного в творчестве Жуковского. Что касается преобладающего в романтизме унылого элегического тона, то и это в своем историческом контексте, в удушливых условиях политической реакции, могло иметь глубоко положительный смысл как выражение недовольства и жажды лучшей жизни. Романтические элегии Белинский характеризовал как «жалобные вопли разочарования, грустные звуки жажды жизни, которая не находит себе ни удовлетворения, ни исхода, и томится среди окружающей ее внутренней безжизненности». Ср. высказывания Белинского о «рефлексии», о грусти и тоске в творчестве Лермонтова.

Нельзя также согласиться с Г. К. Бондаренко, когда он безоговорочно порицает в романтизме его описательную поэзию с ее экспрессивностью, экзотичностью и преувеличением красок. В описании особенностей стран и мест романтизм действительно имел пристрастие ко всему яркому, резкому (экзотическому), в описании человеческих переживаний впадал в непомерный гиперболизм, в изображении характеров предпочитал исключительность. Все это потом, при завоеваниях реализма, стало восприниматься как дурная искусственность и риторика. Но в свое время, когда в способах мышления и в самом восприятии мира, вопреки прежнему рационалистическому подходу, только еще начиналось различие индивидуального и своеобразного, вся эта экзотическая резкость красок вызывалась тем, чтобы в этом разнообразном и индивидуальном обозначить наиболее заметное, т. е. то, чем данное местное или личное наиболее резко отличалось от иного и общего. Это были первые подступы к «местному колориту», когда в «местном» замечалось прежде всего особенное, резкое. Впоследствии реализм научил видеть индивидуальное и особенное и в обыкновенном. Но это лишь впоследствии. При историческом взгляде на дело, в том, что было осуждено впоследствии, для своего времени открывается наличие новых и положительных завое-

ваний. Нельзя отрицать, что в этих первых подступах к выявлению индивидуального, эти поиски «местного колорита» прокладывали дорогу реализму.

Нельзя согласиться с диссертантом и в том случае, где он отрицает возможность чего-либо положительного в романтическом обращении к устному народному творчеству. Надо вспомнить содержание романтического принципа народности. С романтизмом связано первое осознание правомерности и законности национальных различий. Существование наций в романтической идеологии получало идеалистическую трактовку (Шеллинг). Потом эти теории были преодолены и отброшены. Но факт первого сознания национальной самобытности народов нельзя оставить без учета. Конечно, какие-то представления об этой самобытности всегда были и раньше, но признание законности, необходимости и естественности этой самобытности вошло в фокус культурного сознания человечества только при романтизме. Принцип народности в смысле социальном (понимание народа как угнетенной трудящейся и эксплуатируемой массы) образовался позднее (Герцен, Белинский последнего периода деятельности, Чернышевский, Добролюбов). Но и первые подступы к этому принципу, когда «народность» понималась только в смысле национальной самобытности, были глубоко плодотворны. Вместе с требованиями и представлениями о народной самобытности во внимание всякого мыслящего человека впервые входила историческая жизнь народных масс. Насколько идейно значительным был этот факт свидетельствует статья Белинского «Литературные мечтания». Отметим, что романтическая идеализация простых людей, далеких от цивилизации «сынов природы», первоначально имела тоже положительный смысл. В этой отвлеченной и обобщенной форме входил в литературу образ простого народа, противопоставляемого цивилизованным, т. е. по тому времени господствующим классам.

Идеализм романтиков Г. К. Бондаренко трактует тоже односторонне. Для него романтический идеализм, взятый вообще, только реакционен. Такая трактовка возможна только при излишнем суженном кругозоре. Романтический идеализм в свое время мог сочетаться с самыми передовыми освободительными устремлениями. Примерами тому являются молодые годы Белинского, Герцена, Огарева. Только с начала 40-х годов, вместе с обострением классовой борьбы у них углубилась постановка социально-политической проблематики и в процессе выработки новой материалистической революционной теории происходит размежевание с прежним идеализмом.

Внутри романтизма в разных странах, в разные годы, у разных писателей разные принципы романтизма могли получать явное реакционное применение. От историка литературы здесь требуется на всякий раз конкретно-историческое изучение. В русских условиях романтизм не в отдельных примерах, а как целостное идейное течение, оказался несостоятельным и реакционным в 40-х годах, когда с новой неотступной остротой жизнь ставила задачи реальной практической борьбы за лучшее общественное устройство, когда идеи и «благие пожелания» надо было перевести в «деяние». С этой стороны полная недостаточность и непригодность романтизма раскрывалась Герценом и Белинским. Однако и тогда, по выражению Герцена, идеи романтизма «не снимались», а «действотворялись». Романтическое беспокойство, тревога, ощущение неблагоустроенности, романтический порыв к лучшему—не отрицались в их благотворном значении.

Диссертант считает, что, определяя романтизм, как течение исклю-

чительно реакционное, он наиболее последовательно осуществляет указания классиков марксизма-ленинизма. Он пишет: «Из высказываний классиков марксизма-ленинизма вытекает, что романтическим мы можем признавать только те произведения искусства, авторы которых сознательно стремились к разрыву с объективно существующей реальной действительностью и, игнорируя закономерности общественного развития, создавали в своих произведениях несуществующую жизнь и несуществующих героев».

Ни принципам, ни конкретным высказываниям классиков марксизма-ленинизма эта теория не соответствует.

Всем известны ленинские примеры исторически-конкретной оценки явлений прошлого. Говорил ли Ленин о значении отдельных исторических деятелей (например, о Толстом, о Чернышевском, о Герцене) или о целом идейном течении (например, о народничестве), он всегда указывал, какое значение их дело имело в условиях своей исторической обстановки, раскрывая при этом то положительное, что ими вносилось в жизнь и то, что составляло их историческую ограниченность, недостаточность и, в условиях дальнейшей борьбы, явную реакционность. При этом Ленин никогда механически не обособлял прогрессивные и реакционные элементы, присущие данному явлению, а трактовал их во всем единстве и взаимосвязях (революционное и реакционное в учении Толстого, революционное и реакционное в идеологии народников).

У Ленина нет высказываний о романтизме в литературе и искусстве XIX века. Понятие «романтик», «романтический» он применяет при характеристике таких явлений, как экономическая теория швейцарского экономиста Сисмонди или взгляды русских народников.

Разъясняя ограниченность, утопичность, жизненную необоснованность и потому реакционность экономической теории Сисмонди, Ленин называет его романтиком, но нигде при этом не говорит, что Сисмонди и подобные ему «сознательно стремились к разрыву с действительностью, что они не искали лучшего и потому игнорировали вопросы общественной борьбы и мечтали только о том, чтобы сохранить прошлое». Ленин не говорил и о том, что теория Сисмонди не имела в свое время положительного значения.

Ленин разъясняет, что теория Сисмонди выражает «реакционную мелкобуржуазную точку зрения» и объективно смотрит «не вперед, а назад»¹. Но при этом Ленин счел необходимым пояснить: «Эти термины («мелкобуржуазная», «реакционная» доктрина) вовсе не указывают на эгоистические вожелания мелкого лавочника или на желание остановить общественное развитие, вернуться назад: они говорят лишь об **ошибочности** (подчеркнуто Лениным) точки зрения данного писателя, об ограниченности его понимания и кругозора, вызывающего выбор таких средств (для достижения весьма хорошей цели), которые на практике не могут быть действительны, которые могут удовлетворить лишь мелкого производителя или сослужить службу защитникам старины». Ленин при этом несколько раз подчеркивает, что «желания у романтиков весьма хорошие (как и у народников)»².

Надо учитывать, что экономическая теория Сисмонди тогда для Ленина была не только фактом, давно ушедшим. Эта теория рассматривалась Лениным в связи с его текущей борьбой с враждебным марксизму народничеством. Полемическая острота статьи направлена на выяснение несостоятельности и вредности этой теории, которую народники выдвигали в противовес марксизму. И тем не менее, при отрицательной

¹ «К характеристике экономического романтизма». В. И. Ленин. Соч., т. 2 стр. 180, 223.

² Там же. стр. 221, 220.

оценке экономического романтизма применительно к условиям современной борьбы Ленин нисколько не замалчивает исторических заслуг Сисмонди. Он ссылается на Маркса, который ставил Сисмонди в заслугу то, что «он *выдвинул вопрос* о противоречиях капитализма и таким образом поставил задачу дальнейшему анализу»¹.

Здесь же, в этой статье, и в других местах Ленин аналогично говорил и о романтизме народников.

Все это, как видим, ни в коей мере не может служить ни опорой, ни аналогией тому, что говорит о романтизме Г. К. Бондаренко.

Г. К. Бондаренко всюду противопоставляет романтизм реализму. Различение вполне правомерное. Но вызывают сомнения самые способы различения. Диссертант обозначает в литературных явлениях реализм там, где он находит некую реальную жизненную основу, которую содержит в себе данное явление (факт, событие, лица-прототипы или действительно реальные переживания, отраженные в данном произведении). Романтизм, в свою очередь, характеризуется как полная лишенность подобной реальной основы (вымыслы, выдумка «отрешающихся от жизни»). Такой критерий явно недостаточен. Реальная основа существует для каждого произведения искусства. Так или иначе всякое произведение искусства отражает какую-то действительность. И вопрос о различении таких литературных направлений, как классицизм, романтизм, реализм зависит не тем, отражают ли соответствующие произведения какую-нибудь действительность, а тем, какими сторонами и какими способами художественного мышления отражается эта действительность. Иначе сказать, надо характеризовать, как и что именно из действительности захватывается художественным мышлением, господствующим в данном литературном направлении.

ОБ ОДНОЙ СТРОКЕ В ДНЕВНИКЕ ПУШКИНА

Ю. Г. ОКСМАН

В дневнике Пушкина от 29 июля 1831 г. сохранилась следующая запись: «Третьего дня государыня родила великого князя Николая. Накануне она позволила фрейлине Россети выдти за Смирнова»².

Всего в дневнике за 1831 г. три записи, сделанные за время с 27 июля по 4 сентября. Из десяти тем, затронутых в этих записях, только одна не имеет широкого общественно-политического звучания—это строка о фрейлине Россет. Однако не только самая тональность этой строки, но и ее нарочитый лаконизм, исключавший какой бы то ни было автокомментарий, позволяют предполагать, что факт, отмеченный в дневнике Пушкина, не принадлежал к числу ординарных эпизодов придворного быта. Событие это очень близко касалось и самого Пушкина. В самом деле, согласие царицы на брак А. О. Россет означало уход последней из дворца, а тем самым и потерю Пушкиным едва ли ни единственного человека при царском дворе, искренно к нему расположенного, влиятельного и осведомленного, всегда бывшего на страже его интересов.

Именно эту роль А. О. Россет Пушкин и имел в виду, вписывая весной 1832 г. в ее альбом ею же вдохновленные строфы:

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 2, стр. 180. См. об этом же стр. 226.

² Академия наук СССР. Полн. собр. соч. Пушкина, т. XII, 1949, стр. 200. Дневниковые записи 1831 г., несмотря на свой интимно-бытовой и явно нецензурный характер, опубликованы в этом издании под совершенно произвольным редакторским заголовком «Материалы для заметок в газете «Дневник»

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ
ФАКУЛЬТЕТ

О т д е л III